

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL PROCESS PROBLEMS OF COUNTERACTING CRIME

Научная статья

УДК 343.13

EDN ОВЕРУН

DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(3).277-289

СООТНОШЕНИЕ ПОДОЗРЕНИЯ И ОБВИНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

И.В. Смолькова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

2 мая 2026 г.

Дата принятия к публикации

23 июня 2026 г.

Дата онлайн-размещения

29 июня 2026 г.

Ключевые слова

Подозрение; обвинение; виновность;
вероятность; обоснованность
подозрения; причастность;
утверждение; предположение

Аннотация. В статье анализируется соотношение двух традиционных для российского уголовного судопроизводства понятий — подозрения и обвинения с учетом того, что они являются тесно связанными между собой этапами уголовного преследования. И подозрение, и обвинение — достаточно древние институты российского уголовного судопроизводства. Первое упоминание в законодательстве о подозрении имело место в 1716 г., об обвинении — в 1832 г. Подозрение, наряду с обвинением, представляет важнейший институт уголовно-процессуального права, который направлен на обеспечение процессуальных гарантий прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Подозрение имеет значение предположения, характеризующееся вероятным знанием о причастности лица к совершенному преступлению. Несмотря на общность ряда признаков, данные этапы уголовного преследования имеют и принципиальные отличия. В главе 3 Уголовно-процессуального кодекса РФ дается характеристика уголовного преследования и его видов, которая связывает его с обвинением, но о подозрении в ней речи не идет, что является серьезным упущением законодателя, поскольку подозрение занимает значительное место в уголовном судопроизводстве и является этапом уголовного преследования.

Анализируя проблему связи обвинения и подозрения с виновностью лица, совершившего преступление, автор приходит к выводу о том, что обвинение предполагает наличие уже доказанного тезиса о виновности, а подозрение необходимо подтвердить для того, чтобы затем предъявить обвинение. Обвинение основано на достаточности доказательств, подозрение — на достаточности данных. Критикуется позиция, обосновывающая отказ от предъявления обвинения и замену его на уведомление об обвинении по аналогии с уведомлением о подозрении (ст. 223¹ Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Для цитирования. Смолькова И.В. Соотношение подозрения и обвинения в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(3).277-289. — EDN ОВЕРУН // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 3. — С. 277-289.

Original article

THE CORRELATION BETWEEN SUSPICION AND INDICTMENT IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Iraida V. Smolkova

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Article info

Received

2026 May 2

Accepted

2026 June 23

Available online

2026 June 29

Abstract. The author examines the correlation between two concepts traditional for Russian criminal proceedings — suspicion and indictment, taking into account that they are closely interconnected stages of criminal prosecution. Both suspicion and indictment are quite old institutions of Russian criminal proceedings. Suspicion was first mentioned in legislation in 1716, while indictment — in 1832. Suspicion, alongside with indictment, is a vital institution of criminal procedure law aimed at ensuring the procedural guarantees of the rights and legitimate interests of persons who are subject to criminal prosecution. Suspicion means a suggestion, characterized by a possible knowledge about the involvement of a person in a crime. In spite of some common features,

Keywords

Suspicion; indictment; culpability; possibility; validity of the suspicion; involvement; claim; supposition

these stages of criminal prosecution have cardinal differences. Chapter 3 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation gives a description of criminal prosecution and its types, which connects it with indictment, but it does not discuss suspicion, which is a serious omission on the part of the lawmaker since suspicion holds a considerable place in criminal proceedings and is a stage of criminal prosecution.

While analyzing the connection between indictment and suspicion and the culpability of a person who committed a crime, the author concludes that indictment presupposes the existence of guilt which is already proven, while suspicion requires proof for further indictment. Indictment is based on the sufficiency of proof, while suspicion — on the sufficiency of data. The author also criticizes the position which supports a refusal to issue an indictment and substituting it with a notification of indictment, similarly to a notification of suspicion (Art. 223¹ of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).

For citation. Smolkova I.V. The Correlation Between Suspicion and Indictment in Russian Criminal Proceedings. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 3, pp. 277–289. (In Russian). EDN: OBEPYH. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(3).277-289.

Подозрение и обвинение — достаточно древние и традиционные понятия российского уголовного судопроизводства. Впервые термин «подозрение» упоминается в Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1716 г.¹, составленным лично Петром I (гл. 4–6). Термин «обвинение» появляется значительно позднее (через 116 лет) — в Законах «О судопроизводстве по преступлениям и проступкам», входивших самостоятельным разделом в часть 2 тома 15 Свода Законов Российской Империи, принятом в 1832 г.²

В Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.³ хотя фигурировал подозреваемый, но понятие подозрения в нем отсутствовало. Соответственно, и в уголовно-процессуальной теории это понятие не было разработано. Дореволюционные юристы соединяли уголовное преследование с обвинением. Так, И.Я. Фойницкий считал, что возбуждение уголовного преследования представляется составной и весьма важной частью обвинения [1, с. 12].

Не получило должного развития учение о подозрении и в советский период, многие советские процессуалисты считали, что уголовное преследование связано только с обвинением [2,

с. 156]. В частности, М.С. Строгович полагал, что уголовное преследование представляет собой деятельность следователя, направленную на изобличение обвиняемого, которая начинается с привлечения лица в качестве обвиняемого, а часть расследования, ему предшествующую (по существу, подозрение), называл *подготовкой уголовного преследования* [3, с. 69–70].

Такая позиция была обусловлена тем, что и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г.⁴, и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г.⁵ понятие подозрения вообще отсутствовало (так же, как и понятие «уголовное преследование»), поэтому не было и конкретного понимания подозреваемого, между подозреваемым и обвиняемым четкого разделения не проводилось⁶.

В настоящее время и подозрение, и обвинение представлены в качестве самостоятельных понятий в Уголовно-процессуальном кодексе

¹ Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1716 г.: приложение к Воинскому Уставу 1715 г. // Памятники русского законодательства XVIII столетия. С-Пб., 1907. Вып. I. С. 80–82.

² Законы «О судопроизводстве по преступлениям и проступкам» 1832 г. // Свод законов Российской Империи : в 15 т. С-Пб., 1842. Т. 15. Кн. 2. С. 976, 979.

³ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 года с разъяснениями, на коих они основаны : в 4 ч. С-Пб., 1867. Ч. 2. 523 с.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106. Небезынтересно отметить, что в ст. 100 УПК РСФСР, посвященной задержанию лица, подозреваемого в совершении преступления, одновременно фигурировали и такие лица: преступник; подозреваемое лицо; подозреваемый.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁶ О повышении качества расследования : Циркуляр Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26 // Сборник приказов Прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 декабря 1938 г. М., 1939. С. 152–153. Более того, Циркуляр вообще исключил фигуру подозреваемого и, соответственно, подозрение из уголовно-процессуальной деятельности. Это положение просуществовало до 1958 г.

Российской Федерации⁷ (далее — УПК РФ). Однако отношение законодателя к ним неодинаковое и неоднозначное.

Понятие «обвинение» разъясняется в п. 22 ст. 5 УПК РФ как «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке», установленном УПК РФ. Виды обвинения рассматриваются в гл. 3 УПК РФ «Уголовное преследование», в которой раскрываются процессуальные особенности публичного, частно-публичного и частного обвинения (ч. 1 ст. 20 УПК РФ). Если понятие и виды обвинения представлены в УПК РФ, то по не вполне понятной причине понятие подозрения в гл. 3 УПК РФ даже не упоминается, хотя, совершенно очевидно, что подозрение связано с уголовным преследованием. На эту связь указывает разъяснение понятия «уголовное преследование», данное в п. 55 ст. 5 УПК РФ. Это «процессуальная деятельность, осуществляемая в целях *изобличения подозреваемого* (выделено мной. — И.С.), обвиняемого в совершении преступления». Указание на подозреваемого в данном тексте свидетельствует о том, что уголовное преследование включает не только обвинение, но и подозрение.

В уголовно-процессуальной литературе по этому вопросу в принципе нет особых расхождений, большинство авторов исходит из того, что подозрение имеет самое прямое отношение к уголовному преследованию.

Определенную тональность в соотношении подозрения и уголовного преследования задал Конституционный Суд РФ, который в постановлении № 11-П от 27 июня 2000 г.⁸ дал довольно широкое понимание уголовного преследования, установив, что необходимо учитывать не только формально процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, при этом отметил, что фактическое уголовное преследование может подтверждаться в том числе и иными мерами, предпринимае-

мыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии *подозрений* против него (ч. 2 п. 3). Данное разъяснение однозначно свидетельствует о том, что Конституционный Суд РФ включает в уголовное преследование не только обвинение, но и подозрение.

С учетом позиции Конституционного Суда РФ многие процессуалисты связывают начало уголовного преследования с производством действий, ограничивающих права и свободы лица в связи с совершенным преступлением, в том числе и с фактическим задержанием лица, либо с предположением о причастности лица к совершенному преступлению [4, с. 191–193], либо с моментом приобретения лицом статуса подозреваемого [5, с. 66–67], т.е. с подозрением. Р.В. Мазюк в этой связи отмечает, что в содержание уголовного преследования входит доказывание причастности подозреваемого к совершенному преступлению [6, с. 19].

Подозрение, наряду с обвинением, представляет важнейший институт уголовно-процессуального права, который направлен на обеспечение процессуальных гарантий прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. В этой связи справедливо замечает А.В. Калинин, что подозрение имеет социальную ценность, которая прежде всего заключается «в том, чтобы лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование ... могло реально воспользоваться своим правом на защиту» [7, с. 242].

Отсутствие легального понятия подозрения в УПК РФ необоснованно сужает понятие уголовного преследования, делает его неполным, снижает значимость подозрения как правового института [8, с. 39]. Скорее всего, это обусловлено сформировавшейся еще в советское время традицией, не придававшей подозрению должного юридического значения. Бесспорно, данный пробел необходимо устранить и привести определение понятия «подозрение» как «обоснованное предположение о причастности определенного лица к совершенному преступлению, выдвинутое в порядке, установленным настоящим Кодексом», поместив его в п. 24.2 ст. 5 УПК РФ.

В современной уголовно-процессуальной литературе соотношению обвинения и уголовного преследования посвящено значительное число работ [9–11], но гораздо меньше — соотношению подозрения и уголовного преследования.

В настоящее время в теории уголовного процесса общепризнано, что подозрение и об-

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 117-ФЗ : (ред. от 9 апр. 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

⁸ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

винение представляют собой два взаимосвязанных понятия, но рассматриваются они по отношению к уголовному преследованию как:

1. *Части уголовного преследования.* Сторонник такого понимания Г.А. Мирзоян полагает, что подозрение представляет первую часть уголовного преследования, когда имеется отдельная информация о причастности лица к совершению преступления, при этом альтернативные версии происшествия продолжают оставаться неоспоримыми, а количественное и качественное содержание информации не позволяет органам предварительного расследования сделать однозначный вывод о том, что преступление было совершено именно этим лицом, а не кем-либо другим. Обвинение же, по его мнению, является заключительной частью уголовного преследования, и оно предъявляется, когда собрана совокупность доказательств, свидетельствующих о причастности лица к совершению преступления, проверены и опровергнуты другие версии, и нет оснований для прекращения уголовного дела в отношении данного лица [12, с. 223].

Представляется, что определять подозрение и обвинение как части уголовного преследования (целого) неверно, ибо целое при отсутствии одной из частей не может существовать, а уголовное преследование может начаться непосредственно с обвинения, минуя подозрение;

2. *Виды уголовного преследования* [13, с. 93]. Если придерживаться этого мнения, то неизбежно смешение с видами уголовного преследования, обусловленными видами обвинения, указанными в ст. 20 УПК РФ (публичного, частно-публичного и частного).

3. *Формы уголовного преследования* [14, с. 87–88; 15, с. 174]. А.В. Калинин, обосновывая такой вариант, исходит из философских основ взаимодействия содержания и формы [16, с. 198].

Солидаризируясь с этой точкой зрения, И.А. Гаджиев считает, что в начале уголовного преследования подозрение является его доминирующей формой, но по мере накопления достаточных доказательств для формулирования обвинения подозрение утрачивает свою адекватность как инструмент избличительной деятельности и сменяется формой обвинения [17, с. 147, 148].

Данную позицию вполне обоснованно подверг критике Р.В. Мазюк, отметив, что содержание уголовного преследования остается неизменным, оно характеризует развитие уровня «субъект-субъектных отношений между избли-

чаемым лицом и органами, осуществляющими его избличение, а подозрение и обвинение являются его этапами, но не формами» [18, с. 110].

Согласно Толковому словарю русского языка «форма» есть «способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением», а этап — это «отдельный момент, стадия какого-н. процесса» [19, с. 855, 933].

4. *Этапы уголовного преследования* [8, с. 40; 20, с. 157]. Одним из первых этот вариант соотношения подозрения и обвинения предложил И.А. Пантелеев, считая, что обвинению всегда предшествует особый этап — подозрение, «не может быть, чтобы подозрение против лица шло параллельно его же обвинению ... Даже гипотетически это предположив, получим грубое нарушение всей системы уголовного процесса, элементы которой идут строго последовательно, стадия за стадией, один этап сменяет другой» [21, с. 4, 9].

Представляется, что рассмотрение «подозрения» как первого этапа уголовного преследования, предшествующего следующему второму этапу — обвинению, более соответствует последовательности осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

В связи с последними существенными изменениями стадии возбуждения уголовного дела, произошедшими в последнее время, в литературе высказано суждение, что начальным этапом осуществления уголовного преследования является предварительная проверка сообщения о преступлении и даже что она представляет собой самостоятельную стадию уголовного судопроизводства [22, с. 140]. Действительно, если учесть достаточно широкий круг следственных действий, которые предусмотрены для предварительной проверки сообщений о преступлении и увеличение сроков на ее проведение по УПК РФ, то вполне можно было бы рассматривать ее как начало уголовного преследования, претендующего на начальную стадию уголовного судопроизводства, предшествующую возбуждению уголовного дела, однако предварительная проверка есть часть (этап) стадии возбуждения уголовного дела и осуществляется в ее рамках и пределах.

С точки зрения А.В. Калинкина, существующие в настоящее время этапы уголовного преследования — подозрение и обвинение — в большей своей части являются продуктом начала прошлого века, что снижает эффективность самой избличительной деятельности, иска-

жает ее социальное назначение в целом, «порождая подмену форм уголовного преследования, предъявление «дежурных» обвинений, обвинительный уклон в деятельности органов предварительного расследования» [16, с. 198]. С данным мнением сложно согласиться, ибо подозрение может перейти в обвинение только после того, как будут собраны доказательства, достаточные для предъявления обвинения, а до этого момента, когда имеются лишь данные, дающие основание предполагать причастность лица к совершенному преступлению, обвинения нет, есть только подозрение.

Являясь этапами уголовного преследования, подозрение и обвинение имеют общие черты. Прежде всего их объединяет сам характер уголовно-процессуальной деятельности, состоящей из официальной позиции уполномоченного должностного лица — следователя (дознателя), выдвинутой в отношении подозреваемого (подозрение), либо предъявленной обвиняемому (обвинение), приобретение лицом специального статуса — подозреваемого или обвиняемого с во многом схожими правами и прежде всего правом на защиту, которое предоставлено законом только лицу, против которого ведется уголовное преследование.

Подозрение на первоначальном этапе расследования преступления является обязательным и необходимым условием вовлечения лица в сферу уголовно-процессуальных отношений в качестве подозреваемого. Более того, в рамках производства по конкретному уголовному делу один и тот же тезис о причастности лица к совершенному преступлению может последовательно сначала быть подозрением, а затем переходить в обвинение.

Отдельные авторы вообще не видят этимологического различия между понятиями «подозрение» и «обвинение», полагая, что даже самый тщательный лингвистический анализ не позволяет провести между ними явную и четкую границу, а принципиально диссонирующего различия между понятиями «обоснованное подозрение» и «обвинение», происходящего на уровне субъективного представления правоприменителя об уровне и достаточности фактов, вообще нет [23, с. 192].

Действительно, если проанализировать подозрение и обвинение с гносеологической точки зрения, то они, по существу, представляют собой проверяемые гипотезы, которые требуют своего подтверждения соответствующими фактами и это

их объединяет. Справедливо замечает И.А. Гаджиев, что подозрение и обвинение в контексте теории познания представляют собой эквивалентные познавательные конструкции, подлежащие эмпирической верификации в ходе уголовно-процессуальной деятельности [17, с. 149].

Одновременно следует заметить, что между подозрением и обвинением нет непреодолимого препятствия, в частности, в УПК РФ установлена возможность перехода первого во второе: согласно ч. 1 ст. 100 УПК РФ подозреваемому должно быть предъявлено обвинение не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а если он был задержан, а затем заключен под стражу, — в тот же срок с момента задержания; таким образом происходит переход подозрения к обвинению, а подозреваемый становится обвиняемым.

Такой переход подозрения в обвинение возможен и при дознании (гл. 32 УПК РФ), а именно осуществление обвинения вместо подозрения: в случае избрания в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого в виде заключения под стражу обвинительный акт составляется не позднее 10 суток со дня заключения под стражу, т.е. подозреваемому предъявляется обвинение, и он становится обвиняемым (ч. 2 ст. 224 УПК РФ). При невозможности же составить обвинительный акт в этот срок подозреваемому предъявляется обвинение в общем порядке, установленном гл. 23 УПК РФ.

Подчеркивая неразрывную связь подозрения с обвинением, отдельные авторы называют этап подозрения «недозревшим обвинением» [24, с. 41], «вероятным обвинением» [25, с. 38], «предварительным обвинением» [26, с. 129]. И.А. Пантелеев рассматривал подозрение как «предобвинение», считая его одним из промежуточных этапов между началом предварительного расследования и предъявлением обвинения [21, с. 3–4]. С точки зрения С.В. Власовой, обвинение есть подтвердившееся в ходе предварительного расследования первоначальное подозрение, и если обвинение как таковое не предъявлялось, а дело было прекращено по нереабилитирующим основаниям, подозрение все же формулировалось и его следует считать «квазиобвинением» [26, с. 129].

По мнению В.В. Костерина, обвинение в широком понимании включает в себя подозрение, ибо через первоначально возникшее подозрение на уровне регистрации сообщения о преступлении, а затем в основании для задер-

жания подозреваемого, далее в обосновании подозрения при избрании меры пресечения через суд ... происходит кристаллизация «формулы обвинения», а в итоге обвинение — это подтвердившееся в ходе уголовного преследования первоначальное подозрение (официально не выдвинутое обвинение) [27, с. 47]. С данной позицией сложно согласиться, поскольку, хотя подозрение и обвинение близкие понятия, между ними есть отличия, которые не позволяют считать подозрение частью обвинения.

Кроме объединяющих признаков, подозрение и обвинение имеют ряд существенных различий.

Согласно правилам русского языка обвинение — это «признание виновным в чем-н., приписывание кому-н. какой-н. вины, вменение в вину», а подозрение — «предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-н. поступков» [19, с. 425, 539], т.е. если обвинение — это утверждение, то подозрение — это только предположение.

В отличие от обвинения, в котором описание преступления как с фактической, так и с юридической стороны должно быть полным и точным, формулировка подозрения всегда намного уже, поскольку следователь (дознатель) еще не располагает достаточными доказательствами совершения преступления конкретным лицом. При привлечении лица в качестве обвиняемого не может быть речи о предположении в причастности лица к совершенному преступлению. Такое предположение выдвигается как основание подозрения, а утверждение формируется и формулируется позднее.

Подозрение имеет значение предположения, характеризующееся вероятным знанием о причастности лица к совершенному преступлению. Степень доказанности причастности лица к совершенному преступлению у обвиняемого значительно выше, чем у подозреваемого.

Конституционный Суд РФ в ряде своих решений⁹ использует конструкцию «обоснован-

ность подозрения», рассматривая ее в качестве неотъемлемого признака выдвигаемого против лица подозрения при принятии решения о задержании или об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Содержание понятия «обоснованное подозрение» раскрывает Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 19 декабря 2013 г.¹⁰, определяя, что оно предполагает наличие данных о том, что лицо причастно к совершению преступления (застигнуто на месте преступления или непосредственно при его совершении; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.) (п. 2).

Обоснованное подозрение предполагает наличие фактов, на основании которых существует реальная возможность сделать вывод о причастности лица к инкриминируемому ему преступлению.

Существование или отсутствие «обоснованного подозрения» в любом конкретном случае зависит от вполне определенных фактов. Факты, вызывающие подозрение, не должны обладать той же степенью убедительности, как факты, которые необходимы для предъявления обвинения, — следующего этапа в процессе производства предварительного следствия по уголовному делу.

Проблема соотношения подозрения и обвинения самым тесным образом связана и с проблемой их соотношения с понятием «виновность». В решении этого вопроса в уголовно-процессуальной литературе сформировалось *две точки зрения*. Первая исходит из того, что подозрение не только связано с виновностью, но и дает основание ее предполагать.

Еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. В.В. Котровский полагал, что подозрение основывается на данных, позволяющих предполагать *вероятную виновность* подозреваемого [28, с. 89]. Его поддержал Ф.М. Кудин, который

первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова : Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 31. Ст. 5806.

¹⁰ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, залога и запрета определенных действий : Постановление Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова : Постановление Конституционного Суда РФ от 19 нояб. 2013 г. № 24-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 47. Ст. 6156 ; По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части

рассматривал основания подозрения лица при его задержании с учетом «иных данных» при наличии «*возможной (вероятной) виновности* лица в совершении преступления» [29, с. 153].

Данная позиция разделяется некоторыми авторами и в настоящее время. По мнению А.В. Калинкина, «в гносеолого-психологическом аспекте подозрение представляет собой ... предположение следователя (дознавателя), отражающее его субъективное отношение к версии о *виновности* лица в совершении преступления, как веры в правильность суждения о причастности лица к его совершению» [30, с. 5].

Аналогично О.В. Волколуп и Ю.Б. Чупилкин указывают на установление *виновности* лица уже при формировании подозрения, утверждая, что «самыми надежными гарантиями вовлечения в уголовный процесс лица в качестве подозреваемого являются доказательства его *виновности*, которых еще недостаточно для привлечения его в качестве обвиняемого, но достаточно для того, чтобы выдвинуть в отношении этого лица обоснованное предположение о его виновности» [31, с. 89].

Сторонники *второй*, противоположной, точки зрения считают, что не подозрение, а обвинение основывается на знаниях вероятных, проблематичных, при этом имеет место лишь *вероятность суждений о виновности лица*. Эта позиция появилась также в период действия УПК РСФСР 1960 г. А.М. Ларин по данному вопросу отмечал: «Вывод следователя о виновности обвиняемого в момент привлечения к уголовной ответственности выражает предварительное, проблематичное, вероятное знание, т. е. одну из версий» [32, с. 143].

А.А. Чувилев и Т.Н. Добровольская, разделяя эту точку зрения, уточняли, что знание следователя, составляющее содержание обвинения, может рассматриваться как вероятное, хотя степень этой вероятности должна быть высока и приближаться к достоверности» [33, с. 52].

У *второй* точки зрения тоже есть современные сторонники. По мнению А.М. Шинкаревой, как подозрение, так и обвинение, носят вероятностный характер, если при подозрении виновность лица недостаточно обоснована, то при обвинении ее обоснованность должна быть выше, хотя виновность обвиняемого все еще остается проблематичной [34, с. 307, 309].

Поддерживая и развивая этот тезис, В.А. Демин и И.М. Алексеев основное отличие подозрения от обвинения видят в том, что по-

дозрение — это утверждение о виновности лица, выдвинутое и проверяемое одним и тем же должностным лицом, а обвинение — это утверждение о виновности лица, объявленное перед субъектом, уполномоченным рассмотреть данное дело [35, с. 126].

В какой-то мере, с позиции гносеологии, это верно, но следует иметь в виду, что степень указанной вероятности существенно различается, при подозрении имеются данные, в том числе и доказательства, предположительно указывающие на причастность лица к совершенному преступлению. Подозрение формируется и констатируется на этапе возбуждения уголовного дела, а обвинение предъявляется в ходе предварительного расследования. «Верхней границей» подозрения является объем доказательств, позволяющих преобразовать подозрение в обвинение.

Если обвинение базируется на достаточности доказательств, то в основе подозрения лежит вероятное, неполное знание, позволяющее утверждать не о совершении лицом преступления, а лишь о его причастности к нему. Подозрение — это неполная осведомленность о каких-либо фактах и обстоятельствах, предположительное их объяснение, в первую очередь это предположение, которое должно быть проверено и оценено в совокупности с другими доказательствами, обвинение же, напротив, заключается в доказывании виновности, при котором вопрос о непричастности лица к преступлению, как правило, не рассматривается. Вероятностный характер подозрения зависит от связей между событием преступления и причастностью конкретного лица к его совершению. Обвинение предполагает наличие уже доказанного тезиса о виновности, а подозрение еще нужно подтвердить для того, чтобы затем предъявить обвинение. Обвинение основано на достаточности доказательств, а подозрение — на достаточности данных. Подозрение связано с информацией, позволяющей предполагать причастность лица к совершенному преступлению, но эта информация не имеет достаточной убедительности для утверждения о виновности этого лица и предъявления обвинения.

Отличие подозрения от обвинения обусловлено объемом информации, устанавливающей причастность или виновность лица в совершенном преступлении, и состоит в степени обоснованности тезиса о причастности определенного лица к совершенному преступлению.

Исходя из норм УПК РФ, данные, характеризующие виновность лица, относятся к обвинению, подозреваемого же никто не обвиняет в совершении преступления. В момент, когда лицо становится подозреваемым, предположение о том, что именно оно совершило преступление, еще не доказано, тем более не доказано, что оно виновно. Это предстоит доказать в дальнейшем на этапе предварительного расследования.

Хотя подозрение и носит характер предположения, но с утверждением о том, что подозрение имеет более абстрактный, расплывчатый характер, менее конкретизированный, чем сформулированное и предъявленное обвинение [36, с. 14], согласиться нельзя. В любом случае подозрение не может быть ни абстрактным, ни расплывчатым. Подобный характер подозрения может привести к беззаконию и произволу и, конечно же, к нарушению прав и законных интересов граждан.

Критерий отграничения подозрения от обвинения законодательно установлен и правилом «достаточности доказательств» (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), при его отсутствии выдвижение подозрения трансформировалось бы в подобие процедуры предъявления обвинения.

В этой связи вполне обоснованно отмечает С.Б. Россинский, что подозрение, имея предварительный, до конца неопределенный характер, в принципе не может предполагать такую же четко сформулированную претензию (некую «формулу подозрения»); подозрение «скорее является интеллектуальным достижением, неким мысленным набором версий и предположений, существующих не на «бумаге», а в сознании следователя, допускающего их последующее перерастание в обвинительный тезис» [37, с. 129].

В ходе расследования преступления подозрение как предположение о причастности лица к совершенному преступлению может перейти на уровень обвинения, перерастая в обвинительное утверждение. Если же предположение о причастности (подозрение) не подтвердилось, то лицо может приобрести статус свидетеля, либо вообще перестанет быть участником уголовного судопроизводства.

Традиционное различие подозрения и обвинения, основывающееся на степени обоснованности выводов следователя (дознавателя) о причастности лица к совершенному преступлению (при подозрении — вероятный, при обвинении — достоверный), некоторыми авторами

подвергается серьезной критике. При этом они исходят из того, что различия между подозрением и обвинением следует искать не в степени обоснованности выводов следователя (дознавателя), а в типологии уголовного судопроизводства: институт подозрения свойственен розыскному типу уголовного судопроизводства, поскольку ему не известны стороны обвинения и защиты, а подозреваемое лицо является подследственным; институт же обвинения присущ состязательному процессу, в котором предъявление обвинения влечет наделение лица набором прав, позволяющим ему осуществлять свою защиту [35, с. 125–126]. Представляется, что это суждение носит общий характер, оно показывает эволюцию развития законодательства в части соотношения подозрения и обвинения, но не раскрывает существа различий между подозрением и обвинением.

Относительно перспектив существования в дальнейшем в уголовном судопроизводстве подозрения и обвинения в уголовно-процессуальной литературе высказаны довольно различные суждения, которые в принципе можно объединить под одним тезисом: «обвинение следует упразднить и заменить его подозрением или уведомлением о подозрении».

Например, Е.В. Сопнева считает, что обвинение нельзя считать единственно возможным основанием для передачи уголовного дела в суд, поэтому обвинение необходимо заменить подозрением и статусу подозрения придать основное место в системе уголовного преследования, что, по ее мнению, уже апробировано в зарубежном уголовном судопроизводстве и может служить основой для отечественного законодателя [20, с. 158]. Это мнение вызывает возражение, ибо вероятное, предположительное суждение о причастности лица к совершенному преступлению не может занять основное место в уголовном судопроизводстве.

Б.Я. Гаврилов, считая, что институт предъявления обвинения, «сохраняющий свою неизменную сущность на протяжении более 80 лет», не согласуется с современной системой досудебного производства, в течении многих лет настаивает на необходимости его упразднения, при этом ссылаясь на финансовую затратность механизма привлечения лица в качестве обвиняемого, которая выражается в расходах рабочего времени следователей, оплате услуг адвокатов-защитников из средств федерального бюджета. В развитие этой идеи он предлагает

в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления заменить привлечение лица в качестве обвиняемого на «уведомление лица при возникновении в отношении него обоснованного подозрения», по аналогии с дознанием (ст. 223¹ УПК РФ). Аргументируется это предложение в том числе и необходимостью дальнейшей реализации курса на упрощение уголовного судопроизводства и сокращение бюджетных расходов государства на эту сферу деятельности [38, с. 20; 39, с. 56].

С его позиции, предъявление обвинения порождает возникновение не только значительного объема процессуальных прав у лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, но и имущественной и моральной ответственности государства за необоснованное предъявление обвинения. С данным аргументом также трудно согласиться, ибо такого рода ответственность имеет место во всех случаях незаконного привлечения лица к уголовной ответственности и осуждения.

Д.В. Демин и И.М. Алексеев рассматривают предъявление обвинения в качестве «инородного тела», которое, по их мнению, не отражает сущности института обвинения в уголовном судопроизводстве, полагая, что одновременное наличие подозреваемого и обвиняемого в уголовном судопроизводстве не отражают различий институтов подозрения и обвинения, вызвано только вопросами законодательной техники ввиду строго формализованного построения уголовного судопроизводства [35, с. 126, 127].

По мнению Б.Т. Безлепкина, уведомление о подозрении, как процессуальный документ, по всем существенным формальным признакам является аналогом постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а сама процедура уведомления — явный аналог процедуры предъявления обвинения. По его мнению, в данном случае речь идет о терминологической вариации одного того же правового явления [40, с. 468]. Действительно, в данных процедурах много общего, но есть и принципиальные различия. Не вдаваясь в анализ всех признаков, разделяющих рассматриваемые понятия, укажем на главные: у дознавателя, в отличие от следователя, нет обязанности разъяснить подозреваемому сущность подозрения; в законе нет четкого перечня обстоятельств, установление которых необходимо для вынесения уведомления о подозрении.

Близка к приведенным рассуждениям и точка зрения И.В. Петрова, который считает,

что этап привлечения лица в качестве обвиняемого возбуждает не обвинение, как принято считать, а реализует подозрение, поскольку нельзя сначала обвинить человека, а затем продолжить доказывать его виновность [41, с. 135].

Эта позиция не соответствует исторически сложившимся процессуальным правилам, согласно которым в российском уголовном судопроизводстве предъявление обвинения всегда было и в настоящее время является существенной гарантией при привлечении лица к уголовной ответственности в части реализации его конституционного права на защиту от предъявленного обвинения.

Хотя предъявление обвинения и уведомление о подозрении имеют схожие черты, тем не менее, представляется, что это два самостоятельных института, их нельзя отождествлять.

В последние годы в уголовно-процессуальной литературе преобладают довольно радикальные предложения по реформированию всего досудебного производства, начиная с ликвидации стадии возбуждения уголовного дела; отмены акта привлечения в качестве обвиняемого; замены предъявления обвинения на уведомление о подозрении; упразднения предварительного расследования; упразднения предварительного следствия и вообще всего досудебного производства под лозунгом «все, что можно, необходимо сократить, упростить, удешевить», и заканчивая заменой Уголовно-процессуального кодекса на новый. Безусловно, законодательство не является идолом, застывшим в мраморе, с учетом меняющихся социально-экономических отношений оно нуждается в совершенствовании, однако не приведут ли такие реформы к эклектичной форме уголовного судопроизводства?

Выводы

Соотношение подозрения и обвинения прежде всего основывается на том, что они представляют собой два этапа уголовного преследования, причем первый из них — подозрение — это предположение следователя (дознавателя) о возможной причастности лица к совершенному преступлению, а обвинение — основанное на доказательствах утверждение следователя (дознавателя) о совершении преступления конкретным лицом, признанного обвиняемым. Вместе с тем ставить знак равенства между уголовным преследованием как процессуальной деятельностью, осуществляемой в це-

лях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, и обвинением нет оснований. При определении соотношения подозрения и обвинения с виновностью лица необходимо исходить из того, что в момент, когда лицо становится подозреваемым, предположение о том, что именно оно совершило преступление, еще не доказано, тем более не доказано, что оно виновно.

Подозрение как предположение о причастности определенного лица к совершению

преступления в дальнейшем подлежит доказыванию на предварительном расследовании, обвинение же носит утвердительный характер, основанный на совокупности собранных доказательств. Отсутствие понятия подозрения необходимо устранить и привести определение понятия «подозрение» в п. 24.2 ст. 5 УПК РФ как «обоснованное предположение о причастности определенного лица к совершенному преступлению, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. — Т. 2. — 606 с.
2. Ларин А.М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий. — Москва : Бек, 1997. — 324 с.
3. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. — Москва : Изд-во АН СССР, 1951. — 192 с. — EDN WHENJO.
4. Азаров А.В. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса / А.В. Азаров, Н.И. Ревенко, М.М. Кузембаева. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. — 560 с. — EDN QXBSAB.
5. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса : закон, теория, практика / Л.М. Володина. — Москва : Юрист, 2006. — 352 с. — EDN QXBLIP.
6. Мазюк Р.В. О содержании института уголовного преследования / Р.В. Мазюк. — EDN TRPNJL // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2008. — № 1. — С. 11–20.
7. Калинин А.В. Сущность и история становления института подозрения в России / А.В. Калинин. — EDN SOAINV // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2014. — № 3 (98). — С. 236–242.
8. Деришев Ю.В. Онтология и аксиология подозрения в уголовном судопроизводстве / Ю.В. Деришев, Е.И. Земляничин. — EDN RCOLIR // Научный вестник Омской Академии МВД России. — 2013. — № 3 (50). — С. 39–42.
9. Барабаш А.С. Соотношение обвинения и уголовного преследования / А.С. Барабаш. — EDN YNWDGR // Актуальные проблемы юридической науки : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Красноярск, 6–8 окт. 2005 г. — Красноярск, 2005. — С. 756–762.
10. Мазюк Р.В. О роли функции обвинения (уголовного преследования) в российском уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк. — EDN TPXTJT // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2014. — № 2 (6). — С. 103–112.
11. Корнакова С.В. Категории «обвинение» и уголовное «преследование» : к вопросу о содержании, соотношении и адекватности их использования в уголовно-процессуальном законе / С.В. Корнакова, Е.Р. Мищенко. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).305-315. — EDN RZDYAR // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 305–315.
12. Мирзоян Г.А. Понятие уголовного преследования / Г.А. Мирзоян. — DOI 10.24412/2500-1000-2021-3-1-222-225. — EDN LVVVKY // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 3-1 (54). — С. 222–225.
13. Сопнева Е.В. Подозрение — вид уголовного преследования / Е.В. Сопнева. — EDN XTGHVZ // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 1. — С. 93–95.
14. Шишкина Е.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Е.В. Шишкина, С.Г. Бандурин, Н.А. Громов // Право и политика. — 2004. — № 12. — С. 83–89.
15. Потапенко П.Г. Подозрение как форма и этап уголовного преследования / П.Г. Потапенко. — EDN PUIMRH // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2011. — № 6. — С. 174–177.
16. Калинин А.В. Подозрение и обвинение как формы осуществления уголовного преследования / А.В. Калинин. — EDN SNRLJV // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2013. — № 6 (95). — С. 198–212.
17. Гаджиев И.А. Соотношение подозрения с обвинением / И.А. Гаджиев. — DOI 10.24412/2312-0444-2024-3-147-151. — EDN SDJAYJ // Государственная служба и кадры. — 2024. — № 3. — С. 147–151.
18. Мазюк Р.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк. — Москва : Юрлитинформ, 2009. — 216 с. — EDN QRDVLB.
19. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Москва : Технология, 2003. — 944 с.
20. Сопнева Е.В. Методологические проблемы уголовно-процессуального понимания подозрения / Е.В. Сопнева. — EDN UKUOFZ // Библиотека криминалиста. — 2015. — № 4. — С. 156–164.
21. Пантелеев И.А. Подозрение в уголовном процессе России : учеб. пособие / И.А. Пантелеев. — Екатеринбург : Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2001. — 48 с.
22. Володина Е.В. Сущность и значение предварительной проверки сообщений о преступлениях / Е.В. Володина, Э.В. Голоманчук, С.Ю. Бирюков. — EDN GYSNKL // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. — 2024. — № 2 (99). — С. 139–146.
23. Макаров Л.В. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве — наследие прошлого или «осознанная необходимость»? / Л.В. Макаров, Ю.А. Портнов. — EDN YLYTVF // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. — Самара, 2010. — Вып. 5. — С. 189–192.

24. Давлетов А. Подозрение и подозреваемый в современном уголовном процессе России / А. Давлетов, И. Ретюнских. — EDN KFTICF // Уголовное право. — 2008. — № 6. — С. 40–46.
25. Федорова И.А. О необходимости совершенствования оснований признания лица подозреваемым / И.А. Федорова, И. Ретюнских. — EDN VRAPID // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 1 (43). — С. 38–42.
26. Власова С.В. Обвинение как главная деталь уголовно-процессуального механизма оказания уголовно-правового воздействия на преступность / С.В. Власова. — DOI 10.47643/1815-1329_2022_6_128. — EDN JVIFTL // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 6. — С. 128–130.
27. Костерин В.В. К вопросу о сущности обвинения и уголовно-процессуальном механизме его формулирования и выдвижения / В.В. Костерин. — EDN KKHRTD // Юридическая наука. — 2021. — № 10. — С. 45–49.
28. Котровский В.В. Понятие подозреваемого по новому УПК РСФСР / В.В. Котровский // Известия вузов. Правоведение. — 1962. — № 3. — С. 83–91.
29. Кудин Ф.М. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства о подозреваемом / Ф.М. Кудин // Развитие и применение уголовно-процессуального законодательства : сб. статей. — Воронеж, 1987. — С. 152–155.
30. Калинин А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Калинин. — Саратов, 2016. — 24 с. — EDN ZQADKP.
31. Волколуп О.В. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации / О.В. Волколуп, Ю.Б. Чупилкин. — 2-е изд-е испр. и доп. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2005. — 160 с. — EDN QWKWBX.
32. Ларин А.М. От следственной версии к истине / А.М. Ларин. — Москва : Юрид. лит., 1976. — 199 с.
33. Чувилов А.А. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР : учеб. пособие / А.А. Чувилов, Т.Н. Добровольская. — Москва : Изд-во МВШМ, 1986. — 93 с.
34. Шинкарева А.М. Подозрение и обвинение: черты сходства и различия / А.М. Шинкарева. — EDN ONYWVP // Вестник Самарского государственного университета. — 2011. — № 4 (85). — С. 306–311.
35. Демин Д.В. К вопросу об институционализации подозрения / Д.В. Демин, И.М. Алексеев. — EDN WWKJBF // Общество и право. — 2016. — № 3. — С. 124–127.
36. Арабули Д.Т. Правила производства допроса подозреваемого и их детализация / Д.Т. Арабули. — EDN KUDFCT // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2009. — № 19. — С. 14–17.
37. Россинский С.Б. О «высоком» правовом значении допроса подозреваемого (при его задержании в порядке гл.12 УПК РФ) / С.Б. Россинский. — DOI 10.15688/jc.jvolsu.2018.4.18. — EDN YQMZML // Правовая парадигма. — 2018. — Т. 17, № 4. — С. 125–132.
38. Гаврилов Б.Я. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ / Б.Я. Гаврилов // Уголовный процесс. — 2005. — № 1. — С. 20.
39. Гаврилов Б.Я. Предъявление обвинения в досудебном производстве: есть ли основания для его реорганизации? / Б.Я. Гаврилов. — EDN YMIDLA // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 4 (44). — С. 51–56.
40. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / ред. И.Л. Петрухин. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2008. — 720 с.
41. Петров И.В. Концептуальные основы подозрения в российском уголовном процессе / И.В. Петров. — EDN OGMNTF // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2001. — № 9. — С. 131–137.

REFERENCES

1. Foinitskii I.Ya. *Criminal Justice Course*. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1897. Vol. 2. 606 p.
2. Larin A.M., Melnikova E.B., Savitskii V.M. *The Criminal Process of Russia*. Moscow, Bek Publ., 1997. 324 p.
3. Strogovich M.S. *Criminal Prosecution in Soviet Criminal Proceedings*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951. 206 p.
4. Azarov V.A., Revenko N.I., Kuzembaeva M.M. *The Function of Preliminary Investigation in the History, Theory and Practice of Criminal Procedure in Russia*. Omsk, 2006. 560 p. EDN: QXBSAB.
5. Volodina L.M. *Problems of Criminal Procedure: Law, Theory, Practice*. Moscow, Yurist Publ., 2006. 352 p. EDN: QXBLIP.
6. Mazyuk R.V. On the Contents of the Institute of Criminal Prosecution. *Sibirskie ugodovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2008, no. 1, pp. 11–20. (In Russian). EDN: TRPNJL.
7. Kalinkin A.V. The Nature and History of Its Development in Russia Suspensions. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2014, no. 3, pp. 236–242. (In Russian). EDN: SOAINV.
8. Derishev Yu.V., Zemlyanitsyn Ye.I. Ontology and Axiology of Suspicion in Criminal Proceedings. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2013, no. 3, pp. 39–42. (In Russian). EDN: RCOLIR.
9. Barabash A.S. Ratio of Charge and Criminal Prosecution. In *Topical Issues of Legal Science. All-Russian Research and Practical Conference. Krasnoyarsk, October 06–08, 2005*. Krasnoyarsk, 2005, pp. 756–762. (In Russian). EDN: YNWDGR.
10. Maziuk R.V. About the Role of the Function of Indictment (Criminal Prosecution) in the Russian Criminal Proceedings. *Sibirskie ugodovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2014, no. 2, pp. 103–112. (In Russian). EDN: TPXTJT.
11. Kornakova S.V., Mishchenko E.V. The Categories of “Accusation” and “Criminal Prosecution”: To the Question of the Content, Correlation and Adequacy of Their Use in Criminal Procedure Law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 305–315. (In Russian). EDN: RZDYAR. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).305-315.
12. Mirzoyan G.A. Concept of Criminal Prosecution. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 3-1, pp. 222–225. (In Russian). EDN: LVVVKY. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-3-1-222-225.

13. Sopneva E.V. Suspicion — a Kind of Criminal Prosecution. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1, pp. 93–95. (In Russian). EDN: XTGHVZ.
14. Sopneva E.V. Methodological Issues of Criminal Procedure Understanding of Suspicion. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2015, no. 4, pp. 156–164. (In Russian). EDN: UKUOFZ.
15. Shishkina E.V., Bandurin S.G., Gromov N.A. The Institute of Criminal Prosecution in Russian Criminal Proceedings. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2004, no. 12, pp. 83–89. (In Russian).
16. Potapenko P.G. Suspicion as the Form and a Stage of Criminal Prosecution. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava = Saratov State Academy of Law Herald*, 2011, no. 6, pp. 174–177. (In Russian). EDN: PUIMRH.
17. Kalinkin A.V. Suspicion and Filing a Charge as Forms of Criminal Prosecution. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava = Saratov State Academy of Law Herald*, 2013, no. 6, pp. 198–212. (In Russian). EDN: SNRLJV.
18. Gadzhiev I.A. Correlation of Suspicion with Accusation. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Civil Service and Personnel*, 2024, no. 3, pp. 147–151. (In Russian). EDN: SDJAYJ. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-3-147-151.
19. Maziuk R.V. *The Institute of Criminal Prosecution in Russian Criminal Proceedings*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 216 p. EDN: QRDVLB.
20. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Tekhnologiya Publ., 2003. 944 p.
21. Panteleev I.A. *Suspicion in the Criminal Process in Russia*. Ekaterinburg, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2001. 48 p.
22. Vologina E.V., Golomanchuk E.V., Biryukov S.Yu. The Essence and Significance of Preliminary Verification of Crime Reports. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova = Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*, 2024, no. 2, pp. 139–146. (In Russian). EDN: GYSNKL.
23. Makarov L.V., Portnov Yu.A. Suspect in Criminal Proceedings — a Legacy of the Past or a “Recognized Necessity”? In *Topical Problems of the Modern Criminal Process in Russia*. Samara, 2010. Iss. 5, pp. 189–192. (In Russian). EDN: YLYTVF.
24. Davletov A., Retyunskikh I. Suspicion and the Suspect in the Modern Criminal Process of Russia. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2008, no. 6, pp. 40–46. (In Russian). EDN: KFTICF.
25. Fedorova I.A., Retyunskikh I.A. On the Need to Improve the Grounds for Declaring a Person as a Suspect. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia*, 2016, no. 1, pp. 38–42. (In Russian). EDN: VRAPID.
26. Vlasova S.V. The Accusation as the Main Detail of the Criminal Procedure Mechanism for the Provision of Criminal Legal Impact on Crime. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2022, no. 6, pp. 128–130. (In Russian). EDN: JVIFTL. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_6_128.
27. Kosterin V.V. In Addition to the Question of the Essence of the Accusation and the Criminal-Procedural Mechanism of Its Formulation and Nomination. *Juridicheskaja nauka = Legal Science*, 2021, no. 10, pp. 45–49. (In Russian). EDN: KXKXRTD.
28. Kotrovskii V.V. The Concept of a Suspect in the New Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 1962, no. 3, pp. 83–91. (In Russian).
29. Kudin F.M. Improvement of the Criminal Procedure Legislation Regarding a Suspect. In *The Development and Enforcement of Criminal Procedure Legislation*. Voronezh, 1987, pp. 152–155. (In Russian).
30. Kalinkin A.V. *Procedure for Raising Suspicion as a Guarantee of Individual Rights in Criminal Proceedings*. Cand. Diss. Thesis. Saratov, 2016. 24 p. EDN: ZQADKP.
31. Volkolup O.V., Chupilkin Yu.B. *Guarantees of the Rights of Participants in Criminal Proceedings of the Russian Federation*. 2nd ed. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2005. 160 p. EDN: QWKWBX.
32. Larin A.M. *From an Investigative Lead to the Truth*. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1976. 199 p.
33. Chuvilev A.A., Dobrovol'skaya T.N. *Specifics of Teaching the Course of Criminal Process in the Universities of the Ministry of Internal Affairs of the USSR*. Moscow Higher School of Militia of the USSR Ministry of Internal Affairs Publ., 1986. 93 p.
34. Shinkareva A.M. Suspicion and Accusation: Similarities and Differences. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Samara State University*, 2011, no. 4, pp. 306–311. (In Russian). EDN: ONYWVP.
35. Demin D.V., Alekseev I.M. The Issue of Institutionalizing Suspicion. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2016, no. 3, pp. 124–127. (In Russian). EDN: WWKJBF.
36. Arabuli J.T. Rules of Performing Questioning of a Suspected Person and Their Itemization. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2009, no. 19, pp. 14–17. (In Russian). EDN: KUDFCT.
37. Rossinskiy S.B. On the “High” Legal Value of Interrogating a Suspect (While He/She Is in Custody in the Procedure of Part 12 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2018, vol. 17, no. 4, pp. 125–132. (In Russian). EDN: YQMZML. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2018.4.18.
38. Gavrilov B.Ya. Improving the Pre-Trial Proceedings in View of the Implementation of the Key Clauses of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2005, no. 1, pp. 20. (In Russian).
39. Gavrilov B.Ya. Indictment in Pre-Trial Proceedings: Does It Have a Basis to Its Reorganization? *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2017, no. 4, pp. 51–56. (In Russian). EDN: YMIDLA.
40. Petrukhin I.L. (ed.). *Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article)*. 6th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 720 p.
41. Petrov I.V. The Conceptual Bases for Suspicion in Russian Civil Procedure. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta = Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University*, 2001, no. 9, pp. 131–137. (In Russian). EDN: OGMNTE.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смолькова Ираида Вячеславовна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Института правовых исследований, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, SmolkovaI@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3146-935X>, SPIN-код: 7807-1932.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smolkova, Iraida V. — Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Professor, Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, Institute of Justice, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, the Russian Federation, SmolkovaI@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3146-935X>, SPIN-Code: 7807-1932.